

Алексей Кононов

**РОССЫПИ
МОНПАНСЬЕ**

Алексей Кононов
Россыпи монпансье

«Издательские решения»

Кононов А.

Россыпи монпансье / А. Кононов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830828-4

Когда чувствуешь вдруг, что в угаре повседневного бытия тебе не хватает глотка чистого воздуха. Когда что-то неведомое сжимает стальными объятиями грудь. И уже на подсознании ты возвращаешься к истокам, чтобы понять, куда двигаться дальше. Данная книга рождалась на рубеже жизни и смерти. И когда жизнь мощным потоком вдруг подхватила и унесла от небытия, решил, что должен оставить друзьям и близким хоть какое-то напоминание о себе. И, может быть, это позволит им лучше понять себя.

ISBN 978-5-44-830828-4

© Кононов А.

© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Морда	7
Монпансье	10
Секрет	12
Антониха	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Россыпи монпансье

Алексей Кононов

© Алексей Кононов, 2017

ISBN 978-5-4483-0828-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Удивительная пора – детство. Чем дальше от него уходишь, тем чаще оборачиваешься. Бывает, вдруг остановишься ни с того ни с сего на полном ходу, повернешься, и начинаешь всматриваться в прошлое сквозь паутинку трещин на желтых фотографиях, сквозь туманную пелену прожитых лет. Неужели этот смешной мальчишка в затертых штанах, с чубчиком, больше похожим на язычок старого ботинка, приклеенного к лысой голове, и есть ты? Привет сорванец, ты не узнаешь меня? Зато я знаю тебя, как никто другой. Или мне это только кажется? Постой – постой, ведь ты сейчас прибежал из сада, где тайком от бабки рвал и ел зеленые абрикосы, и от этого у тебя несколько дней болел живот? Нет? Неужели я все позабыл? А как звали соседского пацана, не подскажешь? Да, понимаю, надо вспоминать самому.

Память зачастую бывает своенравной и неуправляемой. Погружаясь в прошлое, она цепляется за мельчайшие подробности, уводя в сторону от заданного курса. Никогда точно не знаешь, куда именно она тебя заведет или выведет. Порой эти воспоминания заставляют краснеть, порой – обиженно злиться или неудержимо хохотать. Впрочем, скорее всего, это попытка выдать желаемое за действительное. Ведь глядя на тебя, смеющегося много лет назад, сегодня я лишь снисходительно улыбнусь. Боже мой, как ты наивен. Ты еще не знаешь, что будет дальше. Не знаешь, что всего через пару недель мать выпорот тебя за капризы. Еще через полгода сестра в ссоре проткнет твою щеку карандашом. Ты еще не знаешь о трагических потерях и о большой радости. Тебе не ведомы муки творчества. Зато я это знаю, но знания лишь приумножают печаль. А знание собственного будущего эту печаль удваивает.

Но ведь и сейчас я не могу знать, что будет завтра, через год, через два? Тогда откуда эта печаль и усталость в глазах? Куда пропала радость жизни, беззаботный смех? Где ключи к дверям прошлого? Не в этой ли старой фотографии? А может эти озорные детские глаза и есть те самые двери, и никаких ключей вовсе и не надо?

Каждый сам для себя решает, нужно ли ему возвращаться в детство, и как далеко заходить в этих воспоминаниях. Одним это приносит радость и придает силы, другим – нет. Эти рассказы для тех, кто готов к воспоминаниям. Кто мечтает вновь припасть к кристально чистой воде, черпая ее ладонями прямо из родничка, пробивающегося к жизни где-то далеко-далеко за радужной акварелью нарисованного мира. Ведь именно акварель требует прозрачно чистой воды, иначе краски смешаются в унылую серость, и перестанут быть праздником. И не останется ничего другого, как писать свою жизнь тяжелым маслом по забеленному холсту, смешивая грубой щетинистой кистью краски на грязной палитре.

Морда

Это случилось в один из последних моих приездов в свое родовое поместье. Поместьем назвать его можно лишь, обладая большим чувством юмора, но именно этого качества во мне всегда было с избытком. Вся наша семья много лет назад переехала в город, за исключением бабушки. Но она никак не соглашалась последовать за нами. Говорила, что здесь прошла ее жизнь, что дышится здесь иначе. Свою грусть старалась не показывать, прикрывая ее суетливыми хлопотами по хозяйству и угождением любимому «унучку».

На этот раз бабушка уже готова была рассуждать о возможности переезда. Она даже взволновалась житейскими мелочами: далеко ли до ближайшего магазина, больше ли городская пенсия и много ли в доме женщин ее возраста. Успокоив ее как мог, я отправился прогуляться по старому дому.

Когда-то казавшийся мне большим и праздничным, дом имел вид притихшего и больного старика, которого внезапно покинули многочисленные родственники. Он тяжело вздыхал открытыми окнами, жалуюсь на свое одиночество протяжным скрипом ветхих дверей и некрашеного пола. Казалось, он медленно угасал, словно восковая свеча, съеденная пламенем набивавших лет.

Мебели в комнатах почти не осталось: круглый стол, несколько гнутых венских стульев, высокая бабушкина кровать с горой подушек, ветхий диванчик да потертый комод с выдвижными ящиками. На комод стояли каминные часы, после войны привезенные дедом из Германии. Открыв заднюю крышку, я нашел заводной ключ на привычном месте и завел механизм: его мелодичный бой поражал мое воображение с тех самых пор, как я себя помню. В верхнем ящике комода хранилась всякая всячина и отцовы охотничьи принадлежности. Помнится, в детстве я тайком вытаскивал патроны и по долгу перебирал их, представляя себя то охотником, то солдатом.

Отец умер несколько лет назад. С тех пор я не заглядывал в ящик. К моему удивлению, его содержимое почти не изменилось: несколько латунных гильз, баночка с дробью, пыжи и прочая мелочь. Улыбнувшись накотившим воспоминаниям, я уже было начал закрывать комод, когда увидел в самом дальнем конце ящика продолговатый сверток. В пожелтевшем от времени куске холста был завернут простой брезентовый ремешок с проржавевшей железной пряжкой. Для ремня он был на удивление коротким, и больше походил на дешевый собачий ошейник. Ошейник? Меня словно током ударило: неужели тот самый? Уж сколько лет прошло, а история эта до сих пор тревожила мою память.

В то время было мне лет пять-шесть, и я слонялся в окружении небольшой своры собак по окрестным дворам и улицам, доходя до старого кладбища на окраине городка. Вечером после ужина, когда ворота дома закрывались на замок, вся свора убегала на улицу. Здесь были и простые дворняги, и помесь непонятно каких пород; веселые, ленивые, вороватые – в общем, как и в любом обществе, совершенно разные характеры и типажи. Но среди них выделялся один пес. К стае он присоединялся только по вечерам. Днем же исправно нес вахту на цепи. И лишь на ночь его отвязывали, выпуская на волю. Звали его Мордой.

Морда был здоровым кобелем, с жесткой шерстью коричневатого-рыжего окраса, плавно переходящего в молочно-белый на животе. Именно про таких обычно говорят – «цепной пес», или «как с цепи сорвался». Сколько он жил в нашем доме и когда появился, уже никто и не помнил. Знали, что давно, задолго до моего рождения. Удивительно, но сначала его называли то ли Джеком, то ли Рексом. Но однажды бабушка, увидев, как он перемазался в каше до самых ушей, смеясь, сказала при всех: «Ну и морда!». С тех пор новая кличка словно приклеилась к нему. Поначалу, называя его, все смеялись, потом привыкли и успокоились. Ну, Морда и Морда, что

тут такого. Ведь откликается. Когда он вырос, все вдруг признали, что имя ему дали самое что ни на есть подходящее, поскольку морда у него действительно была внушительных размеров.

Характер у Морды был независимый и своенравный. К командам женщин и детей он относился с пренебрежением, а иногда и с раздражением. Стоило ему только глухо, откуда-то глубоко изнутри рыкнуть, как все старались оставить его в покое. Вся домашняя стая признавала за ним право на лидерство, не пытаясь оспорить сложившийся факт. Даже и не помню, чтобы кто-то осмелился на подобное безрассудство. Не раз бывало, что он возвращался под утро, прихрамывая, с рваными ранами и всклоченной шерстью.

Судя по всему, Морда не мог позволить себе пропустить ни одной серьезной потасовки. Ведь право вожака надо было охранять от чужаков. Однажды он приполз домой еле живой, с оторванным ухом. Помню, бабушка промывала ему рану соком выжатого репейника, пока отец держал его за шею. Морда только тихо поскуливал, не пытаясь вырваться, всем своим видом показывая, что готов терпеть молча, но скулит лишь в удовольствие от соприкосновения с руками хозяина.

По-настоящему любил и уважал он только отца. Только хозяину было позволено смотреть Морде в глаза, и только перед ним пес отводил взгляд в сторону. Другим эта вольность могла выйти боком. Иногда отец затевал с ним шуточную борьбу. Морда рычал и лаял, пытаясь схватить его за руку. Но в оттенках его звучного голоса не было ни нотки злости, а укусы не могли поцарапать даже кожу.

Но были мгновения, когда Морда терял над собой контроль, превращаясь в молодого, обезумевшего от счастья щенка. Это были редкие случаи, когда отец забрасывал на плечо ружье, и, снимая с цепи пса, отправлялся на отстрел ворон, селившихся в кронах деревьев у самого кладбища, и изрядно досаждавшим своим гвалтом и наглой вороватостью всем местным жителям. Тут начиналось невообразимое. Морда носился взад и вперед, визжал, лаял, рычал, старался, подпрыгивая, лизнуть отца в нос. Бывало, что некоторая частичка этих восторгов перепадала и мне.

Трудно сказать, был ли у него в роду кто-то из охотников, но охотничий азарт уж точно присутствовал в его характере. Он знал, что такое ружье, но выстрелов не боялся. Отважно бросался на подранков, тормоша их серо-черные тушки. Он не был жестоким. Но ворон просто ненавидел. Может все оттого, что те часто доводили его до исступления, выкрадывая еду из миски и нагло расхаживая в полуметре от максимальной длины цепи. Мне кажется, что он просто мстил этим пернатым бестиям за свое унижение и издевательства.

Не известно, как могла бы закончиться эта история, если бы однажды Морда вдруг не заболел. Все началось с того, что бабушка обнаружила обед в его миске нетронутым. При этом вид у Морды был виновато-просящим. Он словно пытался сказать, что все хорошо, что это простая усталость, что скоро все пройдет, и он вновь будет таким же сильным и отважным. Но время шло, а его положение только ухудшалось: бока ввалились, шерсть потускнела и торчала клоушками. Теперь он редко вылезал из будки, и то лишь для того, чтобы неуклюже полакать воды. Дело дошло до того, что однажды его миску с едой опустошил молодой кобель, за свое нахальство и чернявую масть прозванный Цыганом. Некогда грозный хозяин двора только угрюмо оскалился и неубедительно зарычал. Но молодой пес даже не обратил на это никакого внимания. Вожак был низвергнут с пьедестала. А тут еще новая напасть: Морду стало тошнить по всему двору зеленой слизью.

Наверное, излишне говорить, что ветеринарных врачей в то время к собакам не вызывали. А из всех известных лекарств, самым доступным был сок репейника. Но и он не помогал.

Однажды отец разбудил меня рано утром. Хорошо помню, что это была суббота, и все домашние еще спали. Поеживаясь от утренней прохлады, я с удивлением увидел, как отец снимает Морду с цепи и привязывает к старому стершемуся брезентовому ошейнику веревку. На плече у отца висело ружье. Мне в руки он дал лопату.

Мы вышли со двора. На этот раз Морда совсем не обрадовался висевшему на плече ружью: он еле плелся, не поднимая головы, словно боясь случайным взглядом увидеть в глазах хозяина приговор. Иногда он поворачивал голову в мою сторону, и сквозь мутную пелену его карих глаз я не видел ни злобы, ни отчаянья, ни обиды. Только смертельная усталость и тоска. Он словно все понимал. Наверняка он видел, как это происходило с другими собаками. Но сейчас в этих старческих и больных глазах теплилась надежда. Он словно просил меня в память обо всем хорошем стать посредником между ним и любимым хозяином, развеять терзаемые его душу сомнения. Не в силах вынести этот взгляд, я старался смотреть в сторону.

Путь наш не занял много времени. Дойдя до пустыря перед старым кладбищем, отец воткнул палку в землю, привязав к ней Морду. Отойдя шагов на двадцать, он зарядил ружье. И тут Морда понял, что пришло его время. Наверное, страх ушел из его сердца, поскольку он попытался приподнять голову, чтобы взглянуть напоследок в глаза любимого человека, пусть и сквозь планку прицела. Несколько мгновений они так и смотрели друг на друга, и впервые пес не отвел глаз. Первым не выдержал отец: зажмурившись, он нажал на курок.

Выстрел разорвал утро на части, подняв в воздух, стаю воронья. Сквозь их невообразимый гвалт я вдруг услышал визг Морды. Он был еще жив. Прицелившись, отец выстрелил во второй раз. Визг прекратился.

Подойдя к Морде, он осторожно снял окровавленный ошейник, положив обмякшее тело на старую простынь, и стал копать яму. Затем так же осторожно завернул и опустил Морду на дно, велел мне присыпать могилку.

Стая воронья вернулась на свои излюбленные ветки, обсуждая смерть своего заклятого врага и откровенно радуясь. Как я ненавидел этих ворон, за их подлую радость, за боль в душе.

Мы возвращались домой. Говорить не хотелось ни мне, ни отцу. Он так и не проронил ни одного слова, а лишь прищурился на теплые лучи утреннего солнца, смотрел куда-то далеко вперед. Во мне же что-то словно надломилось: не было ни слез, ни слов, лишь пустота и комок в горле. И только сестра, узнав обо всем, разревелась в голос, а бабушка и мама, зашмыгав носами, вышли из комнаты. У меня же все стоял в памяти последний взгляд Морды.

Теперь, когда это все осталось в далеком прошлом, кажется, что тот утренний выстрел серьезно изменил мое отношение к жизни. Я понял, что близких и друзей надо беречь, дорожить ими, что не надо стесняться быть добрым и благородным, что надо пытаться жить по велению сердца. И еще я понял, что отец так и не смог простить себе этого выстрела. Он больше никогда не взял в руки ружье. А ошейник Морды, с потемневшими от времени капельками крови, сделанный из простого брезентового ремешка, хранил до конца своей жизни.

Монпансье

Давным-давно, когда Алешка ходил еще в детский сад, или как они с сестрой называли – садик, одна из воспитанниц принесла в группу железную баночку. Баночка была разрисована яркими ягодами и фруктами, а из-под крышки исходил сказочный аромат. Там были разноцветные леденцы. Воспитательница сказала, что это монпансье. Не известно почему, но на Алешку это произвело впечатление. Тем более что эта противная девчонка угощала всех кого угодно, только не его. А тут еще монпансье. Такое сладкое и волнующее слово, сквозь которое просматривались разноцветные стекляшки маленьких конфет. В тот день он так и не попробовал этого чудесного лакомства.

Вечером он рассказал об этом сестре. Тут же родился и план, как самим сделать монпансье. Дело в том, что леденцы иногда продавались в магазине. Но были они в сахарной обсыпке, а значит не прозрачные. Потому что, без сахарной обсыпки «стекляшки» слипались, и взвешивать их было гораздо сложнее. Цвет той или иной конфеты под сахарной пудрой едва угадывался. Алешку и его сестру это не испугало, поскольку они твердо решили довести дело до логического конца, превратив обычные леденцы в необычное монпансье.

Уговорить бабушку купить леденцов оказалось делом не очень сложным, надо было всего лишь пару дней вести себя прилично. Заветный кулечек с конфетами, завернутыми в серую шершавую бумагу, был вручен Алешке очень во-время, так как он очень устал изображать из себя примерного мальчика.

Дело оставалось за малым – достать тару. Для этого была вычищена и вымыта старая круглая банка из-под обувного крема. Наклеив какую-то забавную картинку из старой детской книжки на верхнюю крышку, дети отправились в дальний конец сада. Расположившись в тени созревающей вишни, они принялись облизывать каждую конфету до блеска. Облизав леденец до гладкого состояния, вытаскивали его изо рта, смотрели сквозь него на солнце, оценивая качество работы, и складывали в баночку. Когда попадались зеленые леденцы, сравнивали с листьями, желтые – с каплями тягучей смолы на дереве. Самым приятным было сравнивать красные конфетки с висевшими рядом ярко-красными вишнями.

Через полчаса усердной работы, израсходовав значительное содержание слюны, юным изобретателям удалось наполнить баночку. Радости не было предела: у них появилось монпансье.

Вечером они с заговорщицким видом угостили родителей и бабушку слипшимися разноцветными леденцами, объяснив, что это не просто конфеты, а монпансье...

Шло время. Как-то утром Алешка проснулся от возбужденных возгласов взрослых. Оказывается ночью выпал снег. В южных краях, где они жили, снег большая редкость, а если и выпадал, то к обеду начинал таять. Тут же его навалило до самой крыши, пусть и не очень высокой. И надо же такому случиться, у Алешки – ангина. В другое время он бы обрадовался несказанно: остаться дома и не идти в детсад, что может быть лучше. Вскочив с постели и, шлепая босыми ногами по некрашеному деревянному полу, он побежал на кухню. Прижавшись носом к холодному заиндевевшему стеклу, он начал постепенно отвоевывать горячим дыханием пространство для обзора.

Вдруг Алешка с испугом отпрянул от замерзшего окна. В оттаявшее отверстие неожиданно брызнуло чем-то ослепительно ярким, и рассыпалось тысячько разноцветных искорок по бескрайнему снежному покрывалу. Мгновение спустя он чуть не захлебнулся от восторга, вспомнив, что уже видел эту картинку, только в уменьшенном размере.

Перед ним раскинулось целое поле искрящегося тысячько оттенков монпансье. Ему тут же захотелось скорее бежать туда в снег, хватать руками, собирать ртом эти разноцветные переливающиеся солнечные искорки с таким непонятным названием монпансье. Но никто

не пустил его на улицу. Не дали и у окна вволю насладиться завораживающей воображение картиной. Вместо этого загнали под одеяло, предварительно напоив горячим молоком с медом и сливочным маслом.

От обиды Алешка расплакался в подушку: так было жалко себя. Ведь он мог обладать всем этим богатством, мог угощать всех подряд, и у него все равно бы еще осталось. Потом поднялась температура, мама делала компресс, а бабушка напевала грустную колыбельную. Постепенно голос бабушки стал отдаляться, а на глаза навалилась непонятная тяжесть, а вслед за ней ватная тьма. Затем появились свет и необычайная легкость в движениях. И вот уже Алешка идет по заснеженному полю, усыпанному леденцами, спелыми вишнями и зелеными листиками. Он ничему не удивляется: ни изобилию лакомств и красок, ни теплоте и ласковому снегу. И только где-то далеко-далеко бабушкин голос продолжал напевать его любимую песню, напоминая о старой обиде. И тогда улыбка на его счастливом лице, упирающаяся в кулачок под щекой, сменялась частым и прерывистым всхлипыванием.

Через два дня, когда Алешке разрешили выйти на улицу, снег почти весь растаял. А там, где еще оставался – был грязен и непривлекателен. За хмурыми тучами спряталось солнце, оставив лишь воспоминания, непонятно тревожащие душу. А может, ничего и не было, тяжело вздохнув, подумал Алешка?

Шли годы. Недавно я вновь его встретил, с трудом узнав во взрослом человеке прежнего мечтателя. Правда, теперь его уважительно называют дядей Лёшей. Его собственные дети давно уже выросли. Вспоминая далекое прошлое, он с грустью поведал, что монпансье теперь можно приобрести в любом магазине, и никого это уже не удивляет. А жаль, ведь вместе с удивлением и восхищением мы теряем атмосферу праздника. Родные считают его чудаком, посмеиваясь над его привязанностью к леденцам. Не обращая на них внимания, он изредка покупает баночку монпансье. Бережно открывая леденцы, и вдыхая аромат с закрытыми глазами, он наполняет свою память незабываемым запахом детства. А сквозь заиндеветшие на морозе окна на заснеженных и залитых солнцем полях ему по-прежнему видятся россыпи монпансье.

Секрет

День близился к вечеру. Солнце уже не кусалось, словно налепленный и позабытый горчичник, хотя воздух и напоминал подогретое молоко, отдававшее ароматами подсушенных трав и меда. Загнанные полуденным зноем собаки не торопились вылезать из-под куста жасмина, куда они добрели из последних сил и упали замертво. И только часто вздымающиеся бока выдавали их притворство: они словно пытались доказать всю бессмысленность преданного служения хозяину в этих нечеловеческих условиях. Тем более Максимка, расположившийся рядом и, время от времени, бросавший в них мелкие камешки, хоть и принадлежал к обитателям дома, был не совсем хозяин.

Хозяином считали огромного, по собачьим меркам, мужчину, которого все в доме называли отцом. Конечно же, это был отец Максимки. Собаки тоже были частью большого дома. Прекрасно разбираясь в сложившейся иерархии, они могли поставить на место не в меру разыгравшуюся кошку или оскалить зубы на надоедливых детей. Но только не в присутствии отца. К нему собаки относились более чем уважительно. Даже рыжий Джек, хоть и был вожаком среди собак, его откровенно побаивался.

Не пытаясь вникать во все тонкости взаимоотношений собачьего племени с людьми, Максимка, тем не менее, всякий раз пользовался своей властью в присутствии отца. Так он мог запросто схватить кого-нибудь из псов за ухо или за хвост, или забраться верхом на Джека, чувствуя полную безнаказанность. Последним ничего не оставалось, как только смотреть на отца с немим укором, всем своим видом показывая, насколько они терпеливы и готовы, если это нравится хозяину, терпеть выходки нахального и противного мальчишки.

Но сейчас никого из взрослых рядом не было, поэтому самым разумным со стороны Максимки было принять собачьи правила игры, и притвориться, будто в данный момент его интересуют вовсе не собаки, а «секрет», зарытый под тем же кустом.

Секрет – само слово отдавало какой-то тайной и быстро бегущим по спине холодком, покрывающим кожу мурашками. Произносить это слово нужно было осторожно, озираясь по сторонам и максимально, почти до шепота, убавляя громкость. Ведь если кто услышит о твоём секрете, то он тут же перестанет быть таковым. Значит, ты останешься без тайны. А без тайны человек становится пустым, и не заслуживает внимания.

В свои шесть лет Максимка уже знал, что весь, окружающий его, мир – и есть одна большая тайна. У каждого существа, будь-то собака или человек, всегда есть собственные секреты. Правда, все собачьи секреты в виде закопанных косточек, его мало интересовали. Были секреты взрослые, знания о которых было лучше держать при себе. Например, Максим знал, что отец прячет папиросы в кладовке, и тайком от матери курит. Или знал, что в комод, под тяжелой стопкой свежесглаженного постельного белья, лежат деньги, отложенные бабушкой.

Но были и другие секреты, которые непосредственно касались интересов Максимки. Речь идет о тайных закладках, на которых были помешаны все его детсадовские друзья и недруги. К друзьям он относил тех, кто по секрету делился с ним о месте тайника. К недругам, или шпионам, – всех остальных, подлю пытающихся найти и изъять содержимое его тайника. Собственные набеги на чужие «секреты» он считал проявлением отваги, поэтому себя Максим относил к людям хорошим и правильным.

Тайник или «секрет» делался просто и быстро. Для этого в укромном месте нужно было выкопать небольшую ямку, дно которой выкладывалось цветной бумагой или фольгой от конфет. Затем туда помещалось все, что находилось в бездонных детских карманах и представляло в глазах прячущего ценность: разноцветные стекляшки от старого калейдоскопа или просто красивый камешек, редкая обертка от шоколадной конфеты, мелкие монетки и всякая всячина, хранящаяся в бездонных детских карманах. Все это закрывалось куском прозрачного

стекла, и после чудодейственного заклинания тщательно присыпалось землей. В один прекрасный момент обязательно должно было случиться чудо – превращение маленького клада в несметные сокровища. Самым сложным было найти правильное заклинание, потому что не всякое из них обладало необходимой силой. Далее оставалось время от времени заглядывать в тайничок, томясь от ожидания.

То, что чудеса непременно случаются, сомнению не подвергалось. Ежедневно кто-то из детей сообщал о невероятных превращениях «секреток» во что-либо стоящее. У Максимки чуда пока ни разу не получалось. То ли слова были не те, то ли место выбирал неправильное. Но пару раз и он заявлял об успехе, чтобы никто не подумал, будто он неудачник.

Но вот уже третьи выходные подряд Максимка проверял свой «секрет», зарытый под тем же кустом жасмина, усеянного белыми цветами, под которым собаки зарыли свои косточки. На этот раз он положил в «секрет» все самое дорогое, что у него было: украденную у сестры бусинку черного цвета, несколько старых фантиков от конфет, два кусочка стекла от зеленой бутылки и четыре «витаминки-драже», с полностью слизанной сладковатой оболочкой. Сначала витаминок было гораздо больше, но, облизывая желтую оболочку, он нечаянно их проглотил. И самое главное, на этот раз он пожертвовал бесценной, по его понятиям, вещью – стрелянной латунной гильзой от охотничьего патрона.

Аккуратно смахнув со стекла ссохшуюся землю, Максим вскрыл тайничок, проверил содержимое. Изменений не произошло. Тяжело вздохнув и уложив все обратно, шепча про себя что-то непонятное, он вновь присыпал стекло. Нет, он не потерял веры в чудо. Оно непременно должно случиться, надо только набраться терпения.

От куста он направился к скамейке, вкопанной у кирпичной стены. Отполированная временем скамейка была настолько стара, что рисунок доски напоминал морщины на бабушкином лице. Усевшись на нее, Максимка стал смотреть сквозь открытую калитку на улицу. Там каждый спешил сам по себе, погруженный в собственные мысли, и никто из них даже не подозревал, что всего в нескольких шагах могут храниться несметные сокровища. От этой мысли у Максимки сводило дыхание.

Жаль, конечно, что на этот раз с секретом опять ничего не вышло. Ведь самому ему не нужны были несметные богатства. Для осуществления самой заветной Максимкиной мечты, самого большого его секрета, хватило бы и малой части. Что это за мечта, спросите вы? Не знаю, он никогда мне об этом не говорил. Ведь если рассказать кому-либо, то секрет перестает быть тайной. А без тайны жить неинтересно.

Говорят, что еще несколько лет Максимка большую часть свободного времени проводил на все той же старой деревянной скамейке. Болтая ногами и глядя вдаль прищурившимися от вечернего солнца глазами, он с кем-то спорил или что-то увлеченно рассказывал неведомому собеседнику.

АНТОНИХА

Санька жил на русском кладбище в небольшом узбекском городке с удивительно красивым именем Фергана. Жил с самого рождения. Как это случилось – история длинная и запутанная, как, впрочем, и вся история когда-то огромной и единой страны. Известно лишь, что давным-давно, его бабушка и дедушка, исколесив по призыву советской власти весь Туркестан, остановились в конце этого пути в маленькой сторожке рядом с кладбищем.

Со временем кладбище расширялось, оставляя на завоеванной территории холмики с крестами и памятниками – следы борьбы не на жизнь, а на смерть. И вот уже дом с прилегающей территорией оказался в полном окружении. Казалось, что смерть в этой битве побеждает. Но жизнь стояла на своем: в доме ссорились и мирились, грустили и смеялись, рождались дети, внуки. Да и рядом с домом звучала не только траурная музыка, но и бесконечные пересуды, ссоры, ругань и смех.

Каждое утро к воротам городского кладбища как на работу приходили несколько женщин. Летом столбик термометра зашкаливал за отметкой в сорок градусов в тени. И солнце, словно великий судья, подводило итог человеческого бытия, безжалостно высасывая соки из цветов и неокрепших деревцев, посаженных рядом с надгробиями, превращая их высушенные мумии. По состоянию растений на могилах можно было судить о пройденном пути их постояльцев: чем ярче была жизнь человека и крепче память о нем, тем ярче и свежее цветы; выгоревшая трава и выцветшие бумажные венки были уделом скудных и одиноких душ. Но память требует постоянного материального подтверждения в виде живительной влаги. Поэтому родственники усопших часто договаривались с женщинами об уходе за могилками. За три рубля в месяц последние поливали цветы и деревья, таская воду ведрами из речушки, протекавшей недалеко от церкви, своим стремительным течением разделяющей кладбище на две половины. Их так и называли – поливальщицы.

Антониха была в этой команде на правах предводителя. Вообще-то, звали ее Людмилой Антоновной, но в обращении все называли ее уважительно и подобоострастно Антоновной,

а за глаза – просто Антонихой. Ее злого языка откровенно побаивались. Глуховатая, с голосом, больше похожим на оглушительный скрежет проржавевших металлических дверей, она задавала не только тему, но и тональность обсуждения объекта. Любимое ее выражение «чистое дело» означало, что ее мнение окончательное, всеобщему обсуждению не подлежит, и должно быть принято всеми на веру. За ней всегда оставалось последнее слово.

Попасть на язык поливальщицам, мог кто угодно: хоть умерший, хоть живой человек. И не известно, кому из них было страшнее. Вернее известно. Поэтому, умершие находились перед живущими в более выгодном положении.

Поливальщицы, приходившие на кладбище первыми, удобно устраивались на отполированной временем деревянной скамье, оставляя незанятым место в центре для предводителя, остальные рассаживались полукругом на ведра, вложенные одно в другое. Так сидеть они могли часами. Больше всего Саньку удивляло и поражало умение сидеть на ведрах, не переворачивая их вверх дном. Попробовав раз сесть подобным манером, и провалившись в ведро по самые уши, Санька навсегда отказался от подобной затеи. Но видевшие этот трюк женщины подняли его на смех, отпуская обидные шуточки. Естественно, больше всех усердствовала Антониха.

Честно говоря, Санька недолюбливал Антониху, и старался при любом удобном случае это продемонстрировать. Между ними существовала не то чтобы открытая вражда, но мелкие партизанские выпады совершались в отношении друг друга постоянно. Любимым Санькиным делом было, подобравшись к старухе сзади, аккуратно вставить куриное перо в седой наболдажник волос, скрепленный кривыми шпильками. Остальные поливальщицы в душе поддерживали Санькины выходки, поэтому лишь хитро улыбались. С пером в голове Антониха походила больше на вождя кровожадного племени людоедов. А еще бывало, незаметно прицепит подол широченной юбки прищепкой к поясу, и назад, в кусты. Потом со всех ног домой: дверь на замок, к окну за занавеску. Начиналось томительное ожидание.

Не понимая наступавшего в такие мгновения веселья среди товаров, Антониха приходила в ярость, поливая, словно из ведра, замысловатыми выражениями всех сидящих, их родителей, мужей, а иногда и всю родню. После этого с гордым видом вставала и удалялась на променады в полной тишине.

По истошным крикам «Ах, стервец, дождешься у меня. Я те ноги-то повыдиргаю, ядрит твою мать в кочерыжку» Санька понимал, что нашелся-таки «добрый человек», открывший глаза на нелепый вид старухи.

В отличие от других поливальщиц, Антониха не пила вина на чужих поминках и похоронах. Но иногда, по большим праздникам, ее замечали изрядно подвыпившей. Тогда ее трубный голос разносился витиеватой матерщиной по всему кладбищу. В такие моменты бабушка, жалевшая Антониху, оставляла последнюю ночевать в доме, стеля ей постель в кухне на полу. Санька неоднократно подкрадывался с тюбиком зубной пасты, надеясь отомстить лежавшему без чувств врагу. Но то его отпугивал оглушительный храп, то бдительность бабушки, не желавшей бесчинств на своей территории.

Однажды, на праздновании Дня Победы, Санька увидел пьяную Антониху в парке. Она стояла рядом с самым завораживающим и притягательным из всех других аттракционов – летающими по «мертвой петле» самолетами. Один Санькин друг как-то рассказывал, что мертвой, эту петлю называли из-за того, что больше половины осмелившихся полетать на этих самолетах поумирали прямо в воздухе. И что последний раз такое случилось, чуть ли не на прошлой неделе.

Двигатели на этих самолетах были настоящие, работавшие на керосине, и ревели так, что слышно было далеко до подхода к парку. Вращавшиеся на огромной скорости винты были одеты, словно вентиляторы, в проволочные кожухи. От одного взгляда на них по спине начинали беспорядочно бегать мурашки. Рядом с самолетами находилась парашютная вышка, откуда иногда прыгали смельчаки.

Кто знает, какая муха укусила в этот день Антонию, только потянуло ее на рискованные приключения. Видимо, посчитав для себя подъем по железной лесенке на вышку делом непосильным, она остановила свой выбор на ревущем истребителе. То, что это был именно истребитель, Санька нисколечко не сомневался. Он и сам ждал того момента, когда подрастет, и ему разрешат забраться в кабину, пристегнуться перекрещивающимися ремнями с защелкивающимися пряжками, и прокатиться с ветерком вверх головой. Или вниз головой – Саня постоянно путал эти слова. Так вот, Антониха пыталась убедить парня, заведовавшего аттракционом о серьезности своих намерений в деле покорения воздушных просторов. Она долго что-то говорила, отчаянно жестикулируя руками. Но из всего сказанного, Санька услышал только последнее выражение: «Чистое дело!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.